

УДК 811.161.1+821.161.1
DOI 10.52452/19931778_2022_4_198

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПРОЛОГ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЯЗЫКЕ Н.С. ЛЕСКОВА

© 2022 г.

М.Г. Уртминцева, О.Ю. Шавлюк

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

urtminzeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.06.2022

Представлены результаты наблюдения над функционированием абстрактной лексики в произведениях Н.С. Лескова 70-х гг. XIX в., представляющих собой переработку сюжетов чтений древнерусского Пролога. Лингвистический подход к исследованию результатов интерпретации языковых особенностей проложных легенд, в которых важную роль играет абстрактная лексика, нуждается в более пристальном изучении, так как восполняет представление об индивидуальной стилиевой манере писателя. Сопоставительный анализ абстрактной лексики в чтениях Пролога и текстах Лескова позволил выявить основные словообразовательные модели абстрактной лексики, использованные в чтениях и художественных переработках легенд, определить их функции, указать на связь морально-этических аспектов чтений и проложных сюжетов с их лексическими особенностями. Сравнительный анализ выявленных количественных характеристик абстрактной и конкретной лексики, абстрактной лексики различных словообразовательных моделей в анализируемых произведениях Лескова с соответствующими показателями проложных статей показал, что в освещении и передаче высоких нравственно-философских вопросов и категорий писатель активно использовал языковые единицы и модели, освященные традицией древнерусской книжности.

Ключевые слова: Лесков, Пролог, абстрактная лексика, количественное функционирование, словообразовательные модели.

Проблема «Н.С. Лесков и древнерусский Пролог» только в начале 2000-х годов стала предметом научных исследований [1, 2], несмотря на то, что еще при жизни писателя в критике, как светской, так и конфессиональной, был поднят вопрос о том, как используются проложные тексты в его творчестве [3, с. 957]. В советское время в литературоведении значительную роль в освоении этой проблемы сыграли работы, касающиеся в первую очередь анализа такой нравственной категории в творчестве Лескова, как праведничество, восходящей к религиозной литературе [4, 5], однако языковому сопоставительному анализу сюжетной интерпретации проложных сюжетов писателем уделялось крайне мало внимания. Среди важнейших причин следует назвать следующие. Во-первых, в течение многих лет учёные-филологи занимались проблемами, не связанными с активным изучением церковнославянских памятников, которые были, по сути, недоступны. Во-вторых, достаточно сложно при изучении данного вопроса установить, каким из составов Пролога пользовался Лесков, так как состав одного Пролога может не совпадать с составом другого. Это объясняется тем, что сначала (XII век) Пролог был переводом с греческого сборника житий и памяти вселенских

святых, который назывался Синаксарь, в переводе с греческого – «сборник», а в Древней Руси именуется Прологом. Это название, по одной из версий, связано с ошибкой переводчика, который принял название предисловия – «пролог» за название всего памятника. Но славянский Пролог отличается от греческого Синаксаря ещё и тем, что со временем в него были включены древнерусские и южнославянские жития и памяти святых: успение княгини Ольги, житие Бориса и Глеба, успение Феодосия Печерского, житие князя Владимира, память Кирилла, просветителя славян; упоминание о событиях церковной жизни, например об освящении церкви святого Георгия в Киеве, перенесении мощей Феодосия Печерского и др. Кроме этого, в древнерусском Прологе после житий и памяти святых на каждый день года помещались поучения или слова, которые специально составлялись для Пролога древнерусскими книжниками в процессе переработки отрывков переводной житийной литературы или были собственными сочинениями на морально-этические темы: рассуждениями о том, как избежать различных пороков, или, наоборот, как достичь с помощью молитвы, поста, смирения и т.д. христианских добродетелей. Это учительная часть Пролога.

Таблица 1

Лексика	Произведения					
	Повесть о богоугодном древоколе	Гора	Скоморох Памфалон	Прекрасная Аза	Легенда о совестном Даниле	Аскалонский злодей
Абстрактная	32%	35%	38%	38%	38%	32%
Конкретная	68%	65%	62%	62%	62%	68%

В силу выше сказанного обращение к произведениям Н.С. Лескова, восходящим к сюжетам Пролога, с целью возможности обнаружения языковых черт, перекликающихся с языковыми явлениями древнерусского Пролога, представляется безусловно актуальным.

В качестве источников фактического материала были взяты чтения печатной редакции Пролога, изданной в 1642–1643 гг. [6–9], т.е. до «книжной справки» Патриарха Никона. Позже эта редакция неоднократно переиздавалась в старообрядческой среде. Этот вариант Н.С. Лесков называл «книгой отреченной», неканонической, знал его, использовал в работе: записные книжки писателя содержат выдержки и пересказ содержания 100 сюжетов Пролога [1]. Н.С. Лескова привлекала древность текстов этой редакции Пролога и тот факт, что они не подвергались правке со стороны церковной цензуры, что, очевидно, давало писателю, следуя проложным сюжетам, многое изменять, давать «от себя», не опасаясь упрёков со стороны официальной Церкви.

Наблюдению подверглись следующие чтения Пролога: слово от Лимониса о Муринѣ дровосѣчьцѣ (8 сентября), Слово о кузнецѣ иже молитвою сотвори воздвигнутися горѣ и воврещися в Ниль рѣку (7 сентября), память преподобнаго отца нашего Феодула Епарха (3 декабря), слово о дѣвицѣ сотворшей милость над хотевшем удавиться должник ради (8 апреля), слова об отце Данилѣ (5 июня), слово о купцѣ (14 июня), так как именно они послужили источником сюжетов для таких произведений Н.С. Лескова, как «Повесть о богоугодном древоколе», «Гора», «Скоморох Памфалон», «Прекрасная Аза», «Легенда о совестном Даниле», «Аскалонский злодей».

Предметом наблюдения, результаты которого представлены в данной статье, стала лексика: функционирование слов с абстрактной семантикой в проложных чтениях и произведениях Н.С. Лескова 70-х гг. XIX в.

Древнерусским книжным письменным памятникам свойственна высокая степень активности абстрактной лексики [10, с. 55; 11], которая проявляется и в анализируемых проложных текстах. Соотношение абстрактных и конкретных существительных в общей выборке имён существительных в рассматриваемых проложных чтениях таково: на долю имён существи-

тельных с абстрактной семантикой приходится 36%, на долю единицы с конкретным значением – 64%. Соотношение абстрактной и конкретной лексики в текстах анализируемых произведений Н.С. Лескова представлено в таблице 1.

Из таблицы видно, что показатели употребительности абстрактной лексики в произведениях Н.С. Лескова находятся в интервале от 32% до 38%, то есть достаточно высоки и вполне сопоставимы с соответствующими показателями абстрактных и конкретных лексических единиц в Прологе (36–64%).

Дальнейшее наблюдение над абстрактной лексикой состояло в определении количественных характеристик употребительности изучаемых лексических единиц в Прологе и их сравнении с соответствующими показателями, полученными в ходе анализа текстов Н.С. Лескова.

Поскольку наиболее разработанной является словообразовательная классификация абстрактной лексики, так как «ярче всего категория отвлеченности отражается в словообразовательных элементах языка» [12, с. 143], внимание было сосредоточено на выявлении степени активности функционирования абстрактной лексики разных словообразовательных моделей, зафиксированных в словообразовательном словаре А.Н. Тихонова [13].

В проложных чтениях зарегистрировано употребление непроизводной абстрактной лексики, например: *горе, гнѣв, вѣра, воля, скорбь, покой* и др. – и производной, среди которой выделяются отглагольные образования суффиксами *-(е)ние*: *плѣнение, осязание, отбѣжение, умышление, стояние, прещение, удавление, спасение* и др., *-тва, -знь, -ба, -тие, -ство*: *молитва, клятва, жизнь, мольба, житие, убийство* и др.; отыменные образования с суффиксами *-ость, -ота, -ство*: *милость, чистота, красота, младенчество* и др.; безаффиксные единицы: *помощь, блуд, вопль, дѣло, заповѣдь* и др.; сложные существительные, образованные сложением: *благословение, любодѣяние, целомудрие, благодать, руководѣние*; приставочные образования: *разум, немошь, неимѣние*.

Количественные данные об активности употребления лексических единиц с абстрактным значением различных словообразовательных моделей в Прологе представлены в таблице 2.

Таблица показывает, что непроизводные слова употребляются в Прологе менее активно

Таблица 2

Кол-во	Абстрактные						Всего
	Непроизводные	Производные					
		(е)ние, -тва, -знь, -ба, -тие, -ство	-ость, -ота, -ство	Безаффиксные	Сложные	Приставочные	
%	35	37	12	10	5	1	100
N	79	82	27	24	13	9	234

Таблица 3

Кол-во	Абстрактные						Всего
	Непроизводные	Производные					
		-(е)ние, -тва, -знь, -ба, -тие, -ство	-ость, -ота, -ство	Безаффиксные	Сложные	Приставочные	
%	35	33	14	15	2	1	100
N	745	710	303	336	55	11	2160

по сравнению с производными. Доля производных образований составляет 65% и в 1.9 раза превышает долю непроизводных имён.

Среди производной лексики значительно преобладают отглагольные образования суффиксами *-(е)ние, -знь, -тие, -ба, -тва, -ство*; на их долю приходится 37% от всех абстрактных существительных, и этот показатель более чем в 3 раза превышает показатель активности безаффиксных образований и отымённых на суффиксы *-ость, -ота, -ство* и более чем в 6 раз суммарную долю сложных и приставочных образований. Необходимо отметить, что большинство единиц этой группы составляют существительные на *-(е)ние* и *-ство*, других образований немного (всего 12 фактов).

Полученные при анализе проложных чтений данные об употребительности абстрактных существительных соответствуют выводам историков именного словообразования, касающимся специфики русских книжных письменных памятников [14].

Количественные показатели употребительных абстрактных существительных в зависимости от особенностей словообразования в текстах Н.С. Лескова представлены в таблице 3.

Анализ данных таблицы 3 показывает:

1) превосходство производных образований над непроизводными;

2) среди производных единиц наиболее востребованными являются отглагольные образования на суффиксы *-(е)ение, -тва, -тие, -знь, -ба, -ство, -(о)к*; они употребляются в 2 раза активнее отымённых и безаффиксных и более чем в 10 раз чаще сложных и образованных с помощью приставок существительных.

Следует отметить, что среди отглагольных существительных модели *-(е)ние* по активности употребления превосходят остальные: в процентном выражении доля частотных образова-

ний составляет 70%, а доля остальных – 30% (выборка – 710 фактов).

Рассмотрим более подробно функционирование абстрактной лексики, наиболее часто представленной в Прологе отглагольными производными, созданными по модели *-ение*, в повести «Гора», принимая во внимание тот факт, что перед нами художественное произведение, в котором авторское начало, безусловно, определяет и языковые особенности текста.

Обращение к конкретному тексту – повести «Гора» – позволит установить связь между сюжетной ситуацией, требующей использования определенного типа лексики, характеризующей способ ведения повествования. Так, наибольшее число отглагольных существительных на *-ение* относится к речи автора-повествователя, которому принадлежит наиболее активная роль в объяснении мотивов поступков персонажей, внутренних движений их чувств и мыслей, а также в создании развернутого исторического «фона», на котором разворачивается действие. Весьма интересным представляется способ употребления чередования суффиксальных отымённых и отглагольных производных, например, в экспозиционном описании намерений и чувств Нефоры. При этом важно отметить, что выстраиваемая лексическая цепочка содержит понятия, в которых постепенно раскрывается основная цель героини, намеревающейся соблазнить Зенона и получить желаемое украшение к празднику первой из всех красавиц Египта. После отказа Зенона выполнить ее просьбу Нефора «впала в *гневность*», «почувствовала *неосторожность*», «решила довести его до *страстного увлечения* и купить у него *предпочтение*», стремясь «осуществить свое *намерение*» [здесь и далее цит. по: 15, с. 311]. Та же лексическая схема характеристики внутреннего состояния героини передается в форме косвен-

ной речи, когда Нефора объясняет Зенону свое нравственное кредо: любовь к «независимости и свободе» >отрицание «подчиненности» кому-либо > ненависть к *порабощению*, распространенному у эллинов» и жестокое «мщение» тому, кто встанет на ее пути к цели.

Что касается употребления отглагольных производных на *-ение* при описании назревающего бунта среди жителей Египта, которое предстоит предотвратить правителю, то Лесков выстраивает цепочку слов абстрактной лексики, в ритме которой передан ритм сменяющихся друг друга настроений толпы: «как бы для *увеличения* шума и *усиления* тревожности» в толпе звучали призывные звуки, все это «сзывало еще большее *скопление* народа», народ «в *огорчении* своем ищет, на ком бы сорвать свое горе», народ просит устроить «общее *моление*» христиан о том, чтобы сдвинуть гору, «*возбуждение*» народа растет, поэтому, чтобы «*дать удовлетворение*» народу, патриарх повелел начать «общее *моление*» (334–340), при этом слово «моление» употребляется в следующих абзацах текста 4 раза, показывая, что в создавшейся бедственной ситуации, усилившей религиозную конфронтацию язычников Египта и христиан, моление рассматривается как единственное возможное средство усмирить толпу. При этом следует отметить, что в описаниях главных персонажей повести – Зенона и Нефоры слово «моление» вообще не употребляется Лесковым потому, что их конфликт изначально, в интерпретации писателя, носит не религиозный характер. В основе своей он связан с темой искусства и проблемой торга, так же как и ненависть египтян-язычников к христианам обусловлена тем, что христиане «испортили цены ткачам и колесникам, взявшись работать дешевле, чем работают все вольные люди в Египте» (с. 331–332). Собственно, эта идея и становится основной в трактовке Лесковым проложного сюжета о сдвигаемой силой веры горе: гора «идет» в Нил вовсе не по молитве христиан, утверждая тем самым преимущество их перед язычниками. «Сдвинул гору художник Зенон-златокузнец» (с. 385), – утверждает Лесков, акцентируя именно то, что художник силой своего таланта, веры в добро и справедливость, никогда не порицавший «ничьей веры и своею верою не возносившийся» (с. 389) сумел без религиозного фанатизма приобщить к христианству язычницу Нефору. На такую интерпретацию образа Зенона в самом начале «египетской повести» настраивает автор своих читателей конца XIX века: Зенон был, по словам Лескова, «потаенный христианин», община александрийских христиан не считала его своим потому, что «не о всем мыслил совер-

шенно так, как принято было без рассуждения другими христианами в Александрии» (с. 303).

Подобного рода лексические цепочки используются Лесковым и в передаче мыслей, чувств, настроений персонажей в форме прямой речи, однако по сравнению с цепочками, характерными для авторского повествования, они значительно короче, что существенно влияет на эмоциональность высказывания персонажа. Позволим предположить, что в этой части интерпретации проложного сюжета Лесков «следует» за оригиналом Пролога, в котором прямая речь используется крайне редко, как правило, для передачи концептуально важных морально-нравственных сентенций. Что касается интерпретации этих частей чтений Лесковым, то он также выделяет эти фрагменты путем использования прямой речи персонажа. Так, Нефора, жаждущая мщения Зенону, отвечая на слова Бубасты о том, что пришел час *мщения* пришельцам на египетскую землю, признается: «Я желаю *отомстить* за себя; но когда ты говоришь со мной об *отмщении*, мне страшно слушать» (с. 326), поскольку речь идет о возможных страданиях большого количества людей. И в этом случае цепочка короткая именно потому, что употребление двух форм слова «мщение» – глагольной и именной в пределах одного предложения – характеризует ее индивидуальное, не совпадающее с фанатичной точкой зрения Бубасты, мнение о целях мщения. Что касается цепочки абстрактной лексики, представляющей Бубасту, то она значительно объемнее, так как служит передаче не индивидуального мнения старухи, а формулировку «официальной» версии мщения, направленной на уничтожение представителей другой веры. Как видим, Лесков использует определенные типы абстрактной лексики, ориентируясь на язык Пролога, но сходные производные модели характеризуют в первую очередь позицию повествователя, его характеристику побудительных мотивов персонажей и их высказывания, что совпадает с учительной целенаправленностью проложных легенд.

Проведенное нами сравнение выявленных показателей употребительности абстрактных имён существительных разных словообразовательных моделей в Прологе и анализируемых текстах Н.С. Лескова приводит к следующим выводам.

1. Показатель употребительности производной абстрактной лексики в сравниваемом материале одинаков и равняется 35%.

2. Производные имена являются более употребительными, их количество составляет 65% в выборке абстрактной лексики и в Прологе, и в текстах Н.С. Лескова.

3. Среди производных образований наиболее активно функционируют отглагольные суффиксальные единицы, их 38% в Прологе и 33% в произведениях Н.С. Лескова.

4. Показатели употребительности суффиксальных отымённых образований в анализируемом материале Н.С. Лескова составляют 14% от всех абстрактных имён, в Прологе – 12%, т.е. реже, чем у Н.С. Лескова. Это связано с тем, что используемые единицы этого типа активно употребляются писателем для характеристики персонажей: при описании качеств характера, например, *верность, гордость, доброта, жестокость, кротость, непреклонность, упорство, упрямство, щедрость* и др.; при фиксации чувств и внутреннего состояния героев, например, *радость, бодрость, бешенство, безумство, беспамятство, беспокойство, довольство, сытость, тревожность, ярость* и др.; при описании внешнего облика, возрастных особенностей и рода занятий, например, *грациозность, изящество, красота, детство, молодость, скomorошество* и др.

5. Наблюдается некоторое снижение употребительности сложных существительных в текстах Н.С. Лескова по сравнению с проложным материалом, при этом книжные церковнославянские образования Пролога у Лескова представлены единичными примерами (*милосердие, благоразумие, благочестие*), основную массу составляют нейтральные образования: *головокружение, гостеприимство, злодейство, иносказание, кровопролитие, миролюбивость, путешествие, простонародье, самомнение, сновидение, чернородье, человеколюбство* и др.

6. Количественные характеристики безаффиксных образований, в большинстве соотносимых с производящими глагольными основами, составляют в нашем материале соответственно 11% и 15%, то есть образования *бой, блуд, выкуп, восторг, дар, доход, защита, ласка, набег, потуга, пощада, преграда, смысл, удар, услуга* и др. у Н.С. Лескова функционируют активнее, чем в проложных чтениях. Исследователи отмечают, что увеличение таких образований фиксируется в истории древнерусского и старорусского языков, при этом они употреблялись и в книжной, и в деловой письменности, то есть не были стилистически маркированы [16]. В анализируемом материале Н.С. Лескова проявляется действие этой тенденции на новом этапе развития литературного языка.

Подводя итог предпринятому наблюдению над абстрактной лексикой в шести произведе-

ниях Н.С. Лескова 70-х гг. XIX в., связанных сюжетно с материалами русского Пролога, отмечаем высокую активность использования этих языковых единиц, т.е. в этом отношении писатель продолжает традиции русской книжной письменности, что придает произведениям нравственно-философское звучание. Активное функционирование в сравниваемом материале непроемных абстрактных существительных обусловлено важностью для русского сознания таких понятий, как благо, беда, вера, вина, воля, дух, добро, долг, грех, истина, мир, мысль, правда, стыд, честь и др. Эти абстрактные лексемы являются именами ключевых концептов русской национальной культуры.

Список литературы

1. Минеева И.Н. Древнерусский пролог в творчестве Н.С. Лескова: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 2003.
2. Леденева В.В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015.
3. Георгиевский Г.П. Апокрифическое сказание или литературная фальсификация // Русское обозрение. 1892.
4. Столярова И.В. В поисках идеала (Творчество Лескова). Л., 1978.
5. Старыгина Н.Н. Структура и поэтика сказовой ситуации в цикле Лескова «Праведники» // Вестник Вятского государственного университета. 2012. Вып. 1–2. С. 91–99.
6. Пролог: первая половина (сентябрь – февраль). М.: Печатный двор, 1642.
7. Пролог: вторая половина (сентябрь – февраль). М.: Печатный двор, 1642.
8. Пролог: первая половина (март – август). М.: Печатный двор, 1643.
9. Пролог: вторая половина (март – август). М.: Печатный двор, 1643.
10. Левин В.Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1964.
11. Шабловская Л.А. Функционирование отвлеченных существительных в тетраевангелии. Словообразовательный, семантический и концептуальный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 2005.
12. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1986.
13. Тихонов Н.Н. Словообразовательный словарь русского языка в 2 томах. М., 1985.
14. Николаев Г.Н. Способы древнерусского именного словообразования // Ученые записки Казанского госуниверситета. 2009. Т. 151. Кн. 6. С. 115–120.
15. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 тт. Т. 10, 11. М.: ГИХЛ, 1958.
16. Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2010.
17. Леонтьев К.Н. Наши новые христиане. М.: Тип. Е.И. Погодиной, 1882.

**THE OLD RUSSIAN PROLOGUE AND THE PECULIARITIES OF ITS INTERPRETATION
IN THE LANGUAGE OF N.S. LESKOV**

M.G. Urtmintseva, O.Yu. Shavlyuk

The article presents the results of monitoring the functioning of abstract vocabulary in the works of N.S. Leskov in the 70s. XIX century, which are a reworking of the plots of the readings of the Old Russian Prologue. The linguistic approach to the study of the results of interpreting the linguistic features of prose legends, in which abstract vocabulary plays an important role, needs to be studied more closely, as it fills the idea of the writer's individual stylistic manner. A comparative analysis of abstract vocabulary in the readings of the Prologue and Leskov's texts made it possible to identify the main word-building models of abstract vocabulary used in the readings and literary adaptations of legends, to determine their functions, to point out the connection between the moral and ethical aspects of readings and prologue plots with their lexical features. Comparative analysis of the identified quantitative characteristics of abstract and concrete vocabulary, abstract vocabulary of various word-formation models in the analyzed works of Leskov with the corresponding indicators of prologue articles showed that in highlighting and conveying high moral and philosophical issues and categories, the writer actively used language units and models.

Keywords: N.S. Leskov, Prologue, abstract vocabulary, quantitative functioning, word-building models.

References

1. Mineeva I.N. The Old Russian Prologue in the works of N.S. Leskov: Dis. ... Candidate of Philology. L., 2003.
2. Ledeneva V.V. Leskov's word. M.: Moscow State Regional University, 2015.
3. Georgievsky G.P. Apocryphal legend or literary falsification // Russian Review. 1892.
4. Stolyarova I.V. In search of the ideal (Leskov's Creativity). L., 1978.
5. Starygina N.N. Structure and poetics of the fairy-tale situation in Leskov's cycle «The Righteous» // Bulletin of Vyatka State University. 2012. Issue 1–2. P. 91–99.
6. Prologue: the first half (September – February). Moscow: Printing Yard, 1642.
7. Prologue: the second half (September – February). M.: Printing Yard, 1642.
8. Prologue: the first half (March – August). M.: Printing Yard, 1643.
9. Prologue: the second half (March – August). M.: Printing Yard, 1643.
10. Levin V.D. A brief outline of the history of the Russian literary language. M., 1964.
11. Shablovskaya L.A. The functioning of abstract nouns in tetraevangelia. Word-descriptive, semantic and conceptual aspects: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. N. Novgorod, 2005.
12. Vinogradov V.V. Russian language. M., 1986.
13. Tikhonov N.N. The word-formation dictionary of the Russian language in 2 volumes. M., 1985.
14. Nikolaev G.N. Methods of Old Russian nominal word formation // Scientific notes of Kazan State University. 2009. Vol. 151. Book 6. P. 115–120.
15. Leskov N.S. Collected works: In 11 volumes. Vol. 10, 11. M.: SPHF, 1958.
16. Yerofeeveva I.V. Nominal word formation in the language of Russian chronicles: Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. Kazan, 2010.
17. Leontiev K.N. Our New Christians. M.: Type. E.I. Pogodina, 1882.